

Хэллоуин никогда не был счастливым временем для Гарри Поттера. Это был день, когда ему присвоили прозвище, сделавшее его всемирно известным, но спросите его, и он скажет, что это был день, когда он потерял своих родителей и ушел, чтобы жить жизнью, лишенной любви. Да, он жил со своими тетей и дядей, и да, они были сердечны к нему, но не любили его, по крайней мере, не так, как мать или отец любили бы своего сына. Когда он смог понять концепцию родителей, ему сказали, что они были убиты террористом в ночь на Хеллоуин, и поэтому в эту ночь для него не было никаких праздников. Когда другие дети, которых он знал, и даже его кузен обходили квартал за угощениями, Гарри проводил ночь, вспоминая своих родителей и греясь в их воображаемой любви. Его тетя пыталась восполнить потерю, но даже она знала, что ее сердце было не в этом,

Спустя тринадцать лет после того ужасного дня Гарри нашел то, что всегда хотел, - семью. Было сказано, что можно выбирать друзей, но не семью, и Гарри был благодарен за то, что у него есть семья, семья, которую он построил сам, выбрав тех, кого он любил и хотел стать частью семьи, в отличие от тех, с которыми приходилось мириться. Просто потому, что они родились в семье. Его тетя, дядя и двоюродный брат попали в последнюю категорию, но такие, как его девушка, Гермиона и ее родители, его крестный отец и его жена, Тонкс все попали в первую и гораздо более любимую часть его семьи. Он всегда чувствовал пустоту, оставшуюся после смерти его родителей, но он мог забыть боль, когда Гермиона держала его за руку или когда Сириус нежно взъерошивал его волосы.

Их семья выросла в росте в основном благодаря их усилиям по поиску друзей в неожиданных местах. От вейлы до министра иностранных дел Франции и шаманов-индейцев - люди, принадлежащие ко всем слоям общества, знали Гарри Поттера таким, каким он был на самом деле, и Гарри не мог быть более счастливым.

Прямо сейчас один из их членов был с существами, печально известными своими дикими привычками, с русскими оборотнями. Ремус Люпин, сам оборотень, взял на себя ответственность за дружбу с более нейтральными оборотнями. Ленинградский клан, как их называли, был известен как единственный, кто разрешал открытое общение с людьми, как магическими, так и немагическими. Любой, кто встречался с участниками, знал, что они были оборотнями, но все же поддерживал дружбу благодаря их открытому и гостеприимному характеру. Именно эта готовность не превращаться в одичавших, не калечить или не убивать людей побудила Гарри, Гермиону и их семью попытаться установить формальную дружбу между «Гармонианскими магами» и кланом Ленинграда.

Было также немного осторожности в попытках подружиться с одним из крупнейших кланов оборотней; Лорд Волан-де-Морт, как известно, предлагал все, чтобы его союзники выполняли его приказы. В прошлой войне, хотя их было очень мало, оборотни во главе с Грейбэком разрушили хаос, и именно это Гарри и его семья хотели предотвратить. Кроме того, мы надеемся, что предложение предоставить лучший, если не лекарство, отраву для волков сделало бы клан ленинградских оборотней твердо на их стороне. Клан был лучше подготовлен к тому, чтобы при необходимости прожить жизнь вдали от волшебного мира, и именно в этой способности Ремус хотел получить от них помощь и приложить все усилия, чтобы применить их технологии, чтобы помочь волкам-оборотням вернуться в Англию.

Ремус также надеется убедить их предоставить образцы крови, кожи и волос для исследования Гарри и Гермионы по правильной расшифровке состояния. Они также могут быть

добровольцами для любого лекарства, которое они могут придумать. В общем, если ситуация будет разрешена к их удовлетворению, большое препятствие на пути будущего мира в Англии вполне может быть устранено. Многие будут зависеть от того, будут ли ленинградские оборотни держаться подальше от лорда Волан-де-Морта, даже если во время его визита не было согласовано ничего другого, это было единственной вещью, которую Ремус был полон решимости достичь.

С другой стороны, дома немало пожирателей смерти были заключены в ловушку клятвы ненасилия Амелии и Сириуса. Дневник Тома Риддла оказался бесценным для выявления тех, кого либо принуждали, либо неохотно вступали в ряды. Получив выбор в пользу лучшей жизни и небольшой защиты от DMLE, уже десять из низших рангов пожирателей смерти отвернулись от своей прежней жизни и теперь желали и внесли свой вклад в общество. Это больше всего порадовало Гарри; если им удастся исклечить ряды пожирателей смерти, битва будет уже наполовину выиграна.

Из семидесяти или около того подтвержденных пожирателей смерти около одной трети из них стали жертвами. Гарри знал, что это рискованно, а также многие из них, вероятно, не будут готовы отказаться от своего хозяина, но у них было хорошее начало, и он был уверен, что Волан-де-Морт будет исклечен, по крайней мере, финансово. Кроме того, Гарри поклялся, что не будет сидеть и позволять вещам происходить, он был полон решимости сохранить свою семью, особенно своего лучшего друга, а теперь и невесту. Он был готов вести битву с врагом, а не ждать, пока что-то случится; и если в процессе ему придется устранить несколько препятствий, главным из которых является Лорд Волан-де-Морт, он был бы готов это сделать.

Да, Гарри Поттер определенно был доволен тем, как все обернулось для него. Несмотря на то, что Хэллоуин был для него болезненным днем, этот год был совсем другим. У него была семья, которая поддерживала его, близкий круг друзей, готовых последовать его примеру, но больше всего была девушка, которую он обожал и которая любила его в ответ. Пришло время оставить свое прошлое позади и посмотреть в будущее, поэтому Гарри не мог сдержать улыбки, которая вспыхнула на его лице после того, как увидел Большой Зал, приготовленный для праздника в этот день.

Сцена перерыв

Во время прихода к власти лорда Волан-де-Морта скрытый подвал в поместье Малфоев был до краев заполнен психотическими мужчинами и женщинами, изо всех сил пытающимися обрушить свой страх на невинных людей. Однако сейчас, в мирное время, собрались лишь несколько наиболее преданных последователей некогда могущественного темного лорда. Последователи Волан-де-Морта слепо верны своему хозяину, но когда дело доходит до того, чтобы делиться друг с другом, они похожи на койотов, сражающихся из-за туши.

«Итак, Малфой, я слышал, твой сын остался кричать, как маленькая девочка», - поддразнил его Макнейр. У самого Уолдена Нила Макнейра не было детей, которые хотели бы иметь психопата в качестве мужа, и тот факт, что будущий Малфой оказался трусом, в то же время оступившись, был поводом для смеха, и он намеревался в полной мере воспользоваться этим. . Прошло очень много времени с тех пор, как он одержал какую-либо победу, какой бы маленькой она ни была, над аристократической фракцией пожирателей смерти, и для этой

победы, полученной благодаря сыну Малфоя, было приятно. Более того, он получил бы небольшую победу над лидером «светлого» Альбуса Дамблдора, в процессе чего был дополнительный бонус.

Между тем Люциус Малфой кипел; его сын был ранен, о! он знал, что это всего лишь царапина, но факт заключался в том, что наследник большого дома был ранен под присмотром величайшего волшебника после того, как Мерлин и Малфой мечтали доить его по полной и получить баллы с министром Фадже. Как ложка дегтя, Макнейр вскочил и, поскольку его долгом было заботиться о любых непокорных магических существах, он одержал победу над Малфоем. Люциус Малфой был известен как очень проницательный человек, и даже несмотря на то, что он упустил шанс вонзить Дамблдора нос в землю, это все равно была победой лорда Волан-де-Морта, а значит, победой для него.

Глава дома Малфой стиснул зубы от разочарования и гнева; да, он был зол на то, как его сын отреагировал на ситуацию, в которую он сам себя поставил, но он не хотел, чтобы Макнейр указывал на это. Это был случайный шанс, который Люциус Малфой хотел использовать в полной мере, но теперь казалось, что он потерял этот шанс из-за Макнейра, и он ничего не мог сделать, чтобы вернуть себе утраченное положение.

Непризнанным фактом было то, что пожиратели смерти разделились на две соперничающие фракции. Один считался интриганом и любил использовать свое влияние тонко и за кулисами. Эта группа также была самой влиятельной с точки зрения денег, ее возглавлял Люциус Малфой и умело поддерживал Нотт, Паркинсон и другие его надежные приспешники Крэбб и Гойл. Это были аристократические лица пожирателей смерти, которые понимали политику страны и протягивали руку к карманам служащих министерства. Малфой настолько укоренился в хороших книгах министра Фаджа, что не мог сделать ничего плохого и поэтому сыграл важную роль в формулировании законов, которые были полезны делу чистокровных.

Соперничающую фракцию возглавлял Макнейр, который был главой отдела по регулированию магических существ и был более кровожадным из пожирателей смерти. Они считали, что единственный способ установить свое превосходство - это подчинить весь остальной магический мир полной силой. Они были наемниками силы пожирателей смерти, которые своими дерзкими и смелыми шагами заставляли своих противников повиноваться. Многие из самых безжалостных убийц волшебного мира, такие как братья Лестранж и Беллатрикс Лестранж, братья и сестры Кэрроу, и Эйвери принадлежат к этой фракции и терроризируют население во имя лорда Волан-де-Морта.

Лорд Волан-де-Морт, будучи проницательным волшебником, никогда открыто не отдавал предпочтение одной группе перед другой, но в то же время позволял обеим группам смириться с их собственными воспринимаемыми различиями, хотя он не позволял двум группам проявлять открытую враждебность. Это больше, чем что-либо еще, привело к скрытому чувству ненависти между соперничающими фракциями, и поскольку большинство пожирателей смерти с корыстными наклонностями оказались в заключении в Азкабанах после падения лорда Волан-де-Морта, база власти перешла к Малфоям, который стал непризнанным лидером оставшихся Пожиратели Смерти.

Макнейру никогда не нравилась смена власти, но он был бессилен что-либо сделать. Не было

никаких новостей о судьбе их лидера, и если лорд Волан-де-Морт действительно был убит, Макнейр не мог рисковать открытыми военными действиями с волшебным миром. Он ненавидел тот факт, что Малфой не только избежал судебного преследования, заявив, что он находится под контролем «проклятия империуса», но также приобрел популярность и богатство среди чистокровных. Макнейр ничего не мог сделать, чтобы бросить вызов своему сопернику за господство, и поэтому прикусил язык, обуздал свои убийственные намерения и укрепил свои позиции в Министерстве магии. Он был вынужден выразить свое разочарование несчастными существами, которые, как было установлено, представляли опасность для магического населения. Если ему удавалось получать кругленькую прибыль, потихоньку продавая останки более экзотических животных, никто не был мудрее.

Макнейр всегда завидовал богатству, выставленному в поместье Малфоев, всякий раз, когда лорд Волан-де-Морт призывал своих приспешников для разбора полетов или просто для злорадства. Когда более года назад появился первый признак того, что их лорд не умер, каждый из последователей лорда Волан-де-Морта начал мобилизовать свои ресурсы, но в то же время также боялся за свою жизнь из-за своих проступков, когда им следовало консолидировать свои положение, а не спать на лаврах. Требования об оперативном совещании, наконец, привели к нынешней обстановке, когда Малфой все еще сидит на почетном месте рядом с креслом своего хозяина.

Для неподготовленного взгляда великолепие поместья Малфоев выглядело неуменьшенным, но неизвестным даже хозяйке дома, самозванные аристократы были далеки от денег. Его бизнес на черном рынке зелий сильно пострадал из-за того, что Натаниэль Иссакс и Бетти Рассел перешли на «светлую» сторону, решив продавать свои товары на открытом рынке через «Гармонианские магии» Гарри Поттера. У Малфоев было не так много собственности или поместья, которые могли бы обеспечить стабильный источник дохода, и любая потеря необъяснимых денег усложнила бы их жизнь.

«Ну, Люциус, ты испортил доверие Господа к тебе», - продолжал насмехаться Макнейр, его удовольствие увеличивалось из-за отсутствия какого-либо ответа со стороны его светловолосого соперника. Макнейр на самом деле не знал, что было в дневнике, который, по-видимому, потерял Люциус Малфой, но это определенно было очень важно, и тот факт, что Малфой рискнет получить такой важный предмет, не устраивал его. С другой стороны, Макнейр также не был уверен, что все шаги Малфоя были предприняты по приказу их хозяина. Макнейр не был известен своей хитростью, но очевидное недоверие к нему причинило Макнейру больше боли, чем любая боль от «проклятия Круциатуса», которое его хозяин имел обыкновение раздавать. После того, как тень лорда Волан-де-Морта завладела Курриеллом в Хогвартсе, общие новости,

Люциус Малфой ошетинился от этого комментария; он знал, что совершил ошибку, он не знал, о чем был дневник, но ему было дано конкретное указание, что объект должен храниться в безопасности. Он сделал ставку, пытаясь развязать ужас в Хогвартсе, но это не окупилось, но он определенно не собирался позволять кому-то подшучивать над ним. Он не знал, что случилось с дневником, и он также не знал, какое влияние это окажет на его хозяина, но он не хотел брать на себя вину в одиночку. Если Малфой был хорош в одном, так это в поддержании фасада даже в трудные времена; источая спокойствие, которого он не чувствовал, он ответил: "Каждый из вас знал, что лорд был в своей духовной форме внутри замка, но никто не пытался приблизиться к нему или помочь ему. Я был в состоянии сделать это и сделал это. Дневник был

создан самим темным лордом, чтобы укрепить его; Я просто пытался использовать это только для его пользы. Кроме того, мы не знаем, провалился ли план; по крайней мере, я не знаю, как дневник должен был вернуть его к жизни и сколько времени это заняло. Насколько нам известно, лорд Волан-де-Морт уже занимается возвращением своего тела ".

Шепот разнесся по собравшейся группе, насчитывавшей около десяти человек, включая хозяина дома; они не могли отрицать правду в заявлении, поскольку до того, как Малфой начал действовать, никто даже не знал, что существует такой объект, как дневник, который должен был вернуть их хозяина к жизни. Большинство из них опасались за свое дальнейшее здоровье, если бы их хозяин знал, что они ничего не сделали, когда темный лорд был выведен из строя, в чем Малфой добился успеха. Макнейр закипел, когда понял, что его попытка одурачить светловолосого аристократа только укрепила позиции Малфоя; Мысль о том, что с ним случится, если темный лорд действительно возродится благодаря усилиям Люциуса Малфоя, пробежала по его спине.

"Что нам делать со Снейпом?" Долохов чуть не выплюнул это имя.

Люциус Малфой снова оказался в затруднительном положении; он понимал приказы мастера зелий, и они должны были следить за «светлой» стороной изнутри Хогвартса. Глядя на то, как идут дела, Снейп делал именно это; только то, что некому было заботиться о сообщениях, которые может отправлять шпион, даже если он их отправлял. Однако в отчетах его сына говорилось, что мастер зелий придает большое значение «Мальчику-Который-Выжил»; с другой стороны, это может быть всего лишь актом, чтобы просто подобраться к Поттеру и поставить его на блюде, когда он понадобится их хозяину. На самом деле не было никакого способа узнать, что задумал Северус Снейп, кроме как потребовать от него объяснений, к чему Малфой еще не был готов.

Неоспоримым фактом было то, что, даже если они перешли на службу к темному лорду, оставшиеся Пожиратели смерти были бессильны что-либо сделать, поскольку не только они в настоящее время находились под надежной защитой, но и вполне могли утверждать, что делали то, что приказал Лорд Волан-де-Морт. их делать. Отрезвляющим фактом было то, что Малфой больше не мог полагаться на свою способность подкупать чиновников Министерства, чтобы они выполняли его приказы. Он был благодарен за то, что никто из других пожирателей смерти не знал об истинном состоянии его финансов. Из-за потерянного бизнеса в редких ингредиентах для зелий у него не было наличных денег, и единственный резерв наличности был связан с непредвиденной ценой, которую он получил за акции, которые он был вынужден продать.

Что было странно, так это то, что несколько предприятий, в которых он имел незначительные доли или в которых он был должником, были куплены прямо у него из-под носа. Никто, ни министерство, ни сами пожиратели смерти не знали, кто покупатель; единственное, что из этого вышло, это то, что он, она или они были очень богатыми. Что касается Малфоя, он был почти разорен, поскольку Гринготтс аннексировал большую часть наличных денег в качестве уплаты его непогашенных долгов. Впервые на его памяти он был вынужден продать часть своего семейного наследства и некоторые из наиболее ценных украшений.

Люциус Малфой был раздражен; у него не было никаких доказательств, но он был уверен, что

это проклятый Блэк и его крестник Гарри Поттер были причиной его страданий. Подозрения еще больше усилились, когда его домашний эльф Добби был конфискован как часть собственности Блэков. Очевидно, домашний эльф был жестом доброй воли покойной миссис Блэк Нарциссе, когда она вошла в семью Малфоев, но теперь, когда она была мертва, и у нового лорда Блэка не было никакой смекалки, чтобы заставить Малфоев страдать, немедленно потребовал домашний эльф вернуться в свою семью.

Безупречный Люциус Малфой мог только съежиться, когда его заставляли носить одну и ту же мантию дважды в неделю, о! Ужасы. Во всем этом был один вопиющий факт. Он понял, что с того дня, как Гарри Поттер вернулся в волшебный мир, все начало меняться, и это было не к лучшему для последователей темного лорда. Малфой в своей высокомерии не верил, что простой ребенок может реализовать такие хитрые планы, чтобы нанести серьезный удар последователям лорда Волан-де-Морта. Даже если темный лорд вернется в этот момент, он обнаружит, что закон и порядок серьезно укрепятся, а его собственные силы будут истощены.

Малфой покачал головой от болезненных мыслей: «Это должно быть совпадение», - успокоил он себя, глядя, как десять его товарищей-пожирателей смерти сносят роскошный сервиз на столе, который стоил ему немалого золота.

Незначительный перерыв

Драко Малфой не пытался скрыть радость от нынешней ситуации, в которой он оказался. Немного удачи и небольшой царапины, он сумел поднять шум и поставить на место нынешнего профессора магических существ, полугиганта Рубеуса Хагрида. Испытательный срок, и если все пойдет по плану, очень скоро отправят в Азкабан. Оглядываясь назад, Драко понял, что ему очень повезло, что он сбежал с окровавленной рукой, а не потерял голову из-за гиппогрифа, которого он оскорбил. Только после того, как он заглянул в природу гордых созданий, он понял, какую грубую ошибку он совершил в тот день. К счастью, он смог использовать инцидент в своих интересах, и теперь все выглядело для него очень радужно.

Светловолосый слизеринец был действительно трусом, хотя отчаянно пытался создать вокруг себя атмосферу уверенности и высокомерия. В самом начале своей жизни он узнал от отца, что первое и самое важное для семьи Малфоев - это самосохранение, и они готовы на все ради этого. Драко понял правду в этих чувствах в тот момент, когда он попытался утвердить свое превосходство, назвав очень свирепое животное тупым зверем. Угрожающий зов и намерение проткнуть ему сердце клювом стали очевидны за долю секунды до того, как Гарри Поттер оттолкнул Драко. Именно в этот момент Драко понял, что его гордость станет его падением, хотя из этого осознания ничего не выйдет; с другой стороны, Малфои были очень богатыми и хотя и не благородными в смысле некоторых семей, таких как Лонгботтомы, Блэк,

Драко никогда не намеревался продолжать очевидную фарсиду почти потерять руку в результате атаки Гиппогрифа; Во-первых, это была не более чем царапина. Он был смертельно напуган, когда Клювокрыл предпринял эти шаги, чтобы пронзить его, но после того, как выброс адреналина утих, его тщеславие не позволяло считать его калекой; даже если это был акт. Затем он получил сообщение от отца, вынуждающее его продолжить выступление, чтобы полугигант Хагрид мог получить сапог и приставить его к директору Дамблдору. Он был очень зол на приказ отца; Первый матч по квиддичу в году должен был начаться через несколько

дней, и он был между Гриффиндором и Слайтейном. Драко хотел проявить себя как очень хороший искатель и кто лучше, чем против Львов.

Ходили слухи о новом искателе команды Гриффиндора, самой молодой и единственной женщине Уизли, которая была не более чем девчонкой. Все хвалили ее как ту, которая заменила ее брата Чарли как самого успешного искателя в Хогвартсе, очевидно, девочка была суперталантливой. Драко насмеялся над мыслью о том, что маленькая девочка лучше Малфоя, но он не мог ничего сделать, чтобы ни доказать, ни опровергнуть свою точку зрения.

Драко возмущался несправедливостью всего этого; он хотел поставить девушку на ее место и показать, что он лучший, возможно, буквально потереть лицо грязью во время игры. Однако теперь их матч пришлось отложить только потому, что его отцу и его другу Макнейру нужна была голова тупого гиппогрифа. Он хотел выпустить пар, ударив по заднице некоторых новичков, но даже это оказалось непросто. Его крестный отец и глава их дома не позволяли слизеринцам заманивать другие дома, как они делали раньше.

Драко Малфой заметил небольшое изменение в предпочтении профессора зелий Поттеру и его цыпочке. Он был зол, но также был уверен, что его отец в полной мере воспользуется сложившейся ситуацией, чтобы не только унижить директора Хогвартса и в то же время избавиться от болвана Хагрида, но и снова поставить своего своенравного крестного на пятки.

С этими мыслями он собирался войти в большой зал на завтрак и насладиться развлечениями, которые наверняка последуют за его отцом, когда он заметил группу гриффиндорцев, спускающуюся по лестнице. Зловещая улыбка появилась на его лице. Он не мог дотронуться до Джинни Уизли, не будучи полностью отстраненным от квиддича, поскольку травмировать или калечить игроков вне поля было преступлением; кроме того, даже при том, что она была частью семьи, любящей маглов, она все еще была чистокровной, и он боялся вступить в схватку с такой могущественной семьей, как Уизли.

Драко не мог прикоснуться к Гарри Поттеру из-за огромного количества последователей, не говоря уже о том, что теперь он стал любимцем учителей и главой DMLE. Кем бы он ни был, Драко Малфой не был глупцом; он знал, что продолжительность его жизни серьезно сократится, если он хоть сколько-нибудь плюнет в сторону «Мальчика-который-выжил» при нынешней поддержке. Однако были и другие способы, и Драко наконец увидел зубастую девушку с густыми волосами на руке Гарри Поттера. Теперь она была честной добычей; с этой мыслью он двинулся, чтобы перехватить группу, убедившись, что его собственная свита была с ним.

Между тем Гарри Поттер был крайне разочарован. Сначала светловолосый наследник дома Малфоев был ранен из-за собственной глупости, но затем развернуться и воспользоваться этим инцидентом, чтобы наказать благородного зверя, было слишком далеко. Министр магии Корнелиус Фадж, без сомнения, высоко оценив взятки от Люциуса Малфоя, немедленно приказал казнить Гиппогрифа, даже не прибегая к суду. Что действительно разозлило его, так это то, что недавно назначенного профессора магических существ, Рубеуса Хагирда, обвинили в соучастии в смертельном ранении Драко Малфоя.

Гарри знал, что Министерство магии не имело никакой юрисдикции над тем, кто назначен сотрудником школы. Простое использование инцидента, который, в случае любого другого ученика, был бы скрыт под пресловутым ковром, как это должно было быть, попытаться закрепиться на школьных встречах, раздражало Гарри. У него не было никакой любви ни к Дамблдору, ни к Хагриду, но это не означало, что он использовал бы это против них, чтобы выгнать их из школы. Если Гарри не любил Дамблдора, он ненавидел чиновников Министерства, которые навязывали свои планы только потому, что считали себя выше других.

Гарри видел, что сегодня это гиппогриф, а завтра это может быть студент и во имя магической чистоты в руках служащего Министерства. Он был полон решимости остановить это любой ценой, но, к сожалению, ни Дамблдор, как директор школы, ни Амелия как глава DMLE, не могли сделать что-либо, чтобы предотвратить вдохновенный шаг моих Люциуса Малфоя и Макнейра. Как тот, кто собирался быть директором и общим владельцем школы в течение очень долгого времени, Гарри был полон решимости не допустить таких предрассудков и фанатизма в священные залы; он молился о чуде.

Войдя в большой зал на завтрак с Гермионой на руке и его обычной группой друзей вокруг него, Гарри увидел, что Драко Малfoy с ухмылкой приближается к ним с рукой на перевязи. Возможно, его молитва была услышана.

Словно по команде Драко начал изрыгать изо рта: «Полукровка сегодня получает должное, ты будешь следующим, грязнокровка», - внушительно усмехнулся он.

Гарри и Гермиона игнорировали насмешки, брошенные наследником Малфоев. Их огромный самоконтроль поддерживается сильным набором окклюментционных щитов, не говоря уже об их собственном превосходстве с точки зрения поведения, интеллекта и простого старого положения в обществе. Гермиона, обрученная с главой старинного и благородного дома, на самом деле занимала более высокое положение, чем наследница старинного дома. Его собственный статус главы дома Поттеров был известен только членам визенгамота, и, поскольку его личная жизнь была защищена законами самого этого органа, статус Гарри не был широко известен. Вдобавок ко всему, их статус помолвленной пары был совершенно неизвестен, за исключением их нескольких друзей, но теперь, если им придется поставить высокомерного наследника на его место, им, возможно, придется положить конец секретности.

Как раз когда это происходило, у входа в большой зал снова возникла суматоха, когда вошла делегация Министерства во главе с министром магии, Фадж. Министра сопровождали Люциус Малfoy и Макнейр, уверенные в своей победе и стоящие за ними. Немного напрягшись, Амелия с отрядом авроров, чтобы предотвратить любые неприятные инциденты.

Больше всего внимания было отвлечено от противостояния Драко и Гарри с новоприбывшими. Если так будет продолжаться, Гарри был уверен, что министр выйдет в центр внимания и запустит фарс. Он не был уверен, слышал ли кто-нибудь из министерской партии то, что говорил Драко, но Гарри это не беспокоило. Он хотел снести пьедестал, на который поставили себя чистокровные, и теперь ему дали этот шанс перед всей школой, которая, по сути, будет перед всем волшебным миром, и присутствие DMLE придаст ему требуемую легитимность. .

С собственной ухмылкой, угрожающей вырваться на свободу, Гарри парировал: «... и ты удивляешься, почему благородный зверь вроде гиппогрифа чуть не укусил тебя за руку». Гарри знал, что должен тщательно формулировать свои слова, иначе они могут быть использованы для изобличения как Хагрида, так и Клювокрыла. Однако ему не нужно было беспокоиться, поскольку наследник Малфоев сразу же попался на удочку.

"Заткнись, шрам на голове!" Драко взревел, привлекая внимание не только делегации Министерства, но и своего отца, который начал быстро бледнеть от того, как его сын копал себе могилу. «Я обращаюсь к твоей суке, а не к тебе», - продолжал он, совершенно не подозревая о жестах отца, отчаянно желающих, чтобы он остановился.

Совершенно непреднамеренно, Драко дал Гарри ту самую возможность, в которой он нуждался, и не упускал ни одной возможности, быстро повернулся к своему единственному союзнику в партии министров: «Мадам Боунс ...» - начал он очень уважительным тоном, поклонившись. Она "... как один из свидетелей вопиющего пренебрежения к главе старинного и благородного дома, не говоря уже об угрозе смерти будущей хозяйке дома, я прошу вас провести дуэль чести против мистера Федора. Драко Малфой, наследник меньшего дома Поттеров ".

Драко сразу же побледнел при мысли о дуэли чести, он сначала пытался успокоить себя мыслью, что Поттер только пытался его запугать. Он был уверен, что тот, кто был его ровесником, не мог стать главой дома; Конечно, Гарри Поттер был единственным оставшимся, но все же существовали правила, которые не позволяли несовершеннолетним наследникам брать на себя мантию главы дома. Чего Драко не знал, так это того, что магия, окружавшая благородные дома, сильно отличалась от магии других; Магия определяла ценность человека не по возрасту, а по его способностям и способности позволить дому расти и процветать. Гарри признали достаточно зрелым прямо перед визенгамотом, и в то же время Гермиона стала его невестой.

Амелия видела разные эмоции на лице Драко и пыталась сдержать ликование, но не пыталась играть с разумом блондинки-слизеринца: «... вы уверены, мистер Поттер? Сможете ли вы противостоять кому-то вроде мистера Малфоя?»

Все присутствующие могли видеть, что цвет начал возвращаться к наследнику Малфоев, поскольку его уверенность начала расти, и она получила дополнительный импульс с ответом Гарри: «... Я не хочу мадам Боунс ...», он вздохнул и продолжил: «... Но как глава дома, я должен следовать определенным традициям, если я хочу, чтобы меня приняли мои сверстники. Мистер Малфой оскорбил меня и мою жену, и я не могу допустить, чтобы это игнорировалось, даже если мне придется столкнуться с кем-то начальство." Если говорить немного густо, тон, передающий сопротивление, покорность, а также намек на страх, вернул ухмылку Драко Малфоя.

Удивительно, но Макнейр заговорил: «Мадам Боунс бросила вызов, и пути назад уже нет». Можно было только догадываться, купил ли он номер Гарри или Макнейр искренне интересовался унижением наследника Малфоев, но впервые после того, как узнал о пожирателях смерти, Гарри почувствовал, что, возможно, совершил ошибку, привлекая внимание Макнейра. Теперь им ничего не оставалось, как приступить к импровизированному

плану и гарантировать, что Министерство никогда не будет иметь никакого влияния на Хогвартс.

Люциуса Малфоя это не убедило; он собственными глазами увидел, насколько уверенно Гарри Поттер победил Визенгамота и победил, это показало, что с ним не шутки. Люциус не знал, что задумал Поттер, но то, как его сын ел дисплей, тревожило его сознание. «Мой сын ранен, он не может участвовать в этой дуэли», - в панике воскликнул Люциус. Он подозревал, что «Мальчик-который-выжил» не был таким некомпетентным, каким он себя изображал, и, к своему ужасу, Драко попался на крючок, леску и грузило. У Люциуса было очень плохое предчувствие, что его попытка закрепиться в администрации Хогвартса через инцидент с Гиппогрифом обернулась впечатляюще, и теперь он боялся за жизнь своего наследника. К сожалению, он не мог ничего сделать, кроме как сам принять участие в поединке. Если он выиграет, Люциус не был так уверен, что сможет, его заклеят как большого хулигана, изгоняющего свой гнев на ребенка, а если он проиграет, то превратится в нищего. Поговорим о том, что ты находишься между камнем и наковальней.

Мадам Боунс с ликованием ухватила за возможность: «Ну, либо это, либо остаться в Азкабане...», - она ухмыльнулась испуганному наследнику Малфоев и немного покрутила гвоздь, «... в течение двадцати лет», - закончила она.

Драко был на грани обморока от ужаса. Он умоляюще посмотрел на своего отца; тот, кто выручал его в бесчисленных ситуациях, в большинстве своем из-за собственной глупости, сам выглядел побежденным. На этот раз Драко понял, что ему нужно лечь на застеленную им кровать; Лучше было рискнуть против полукровки, даже если он был Гарри Поттером, по крайней мере, против него у него был шанс на победу, чего у него не было против дементора.

Опасаясь безопасности своего главного финансиста, эээ... жизни сына лучшего друга, Фадж вышел из шокированного ступора, «... но... но... но, - пробормотал он, - я не могу этого допустить; я министр магии...»

«Вы ничего не можете с этим поделать, - ответил Макнейр, -... это не входит в компетенцию Министерства; спор ведется между двумя древними домами, один из которых явно имеет более высокий статус в обществе и существовал еще до Министерства как благородный дом.»

Однако Фадж был непреклонен: «Он должен получить шанс защитить себя от обвинений».

Гарри был готов взорваться, но не в его натуре было нести свои эмоции на рукаве, и поэтому, даже если он кипел от несправедливости, он мог возразить с невероятным спокойствием: «О, у него будет шанс, хорошо!» - воскликнул он, -... такой же шанс, что и Хагрид и Клювокрыл, и при всех этих свидетелях ».

Все, кто знал историю инцидента с гиппогрифом и его последствий, понимали, что, другими словами, практически никто. Фактически, согласно законам, принятым теми же чистокровными, Гарри имел право бросить вызов наследнику Малфоев за угрозу Гермионе. Гиппогриф также ответил на оскорбление так же, как и Гарри, но, к сожалению, у него не

было защиты древнего и благородного дома, хотя он и считается благородным животным.

После того, как больше не было высказано возражений или несколько возражений были безжалостно подавлены, было расчищено место в центре большого зала. Профессора Дамблдор и Флитвик немедленно возвели возвышающуюся платформу и ограждения вокруг нее, чтобы не допустить попадания случайных проклятий на аудиторию.

Драко Малфойю ничего не оставалось, кроме как убрать подстраховку. Мадам Помфри залечила небольшую рану на его предплечье и позволила ему покинуть больничное крыло даже без повязки, но по приказу отца и с помощью Панси Паркинсон Драко смоделировал гипс, чтобы продолжить шараду. Крики возмущения и недоверчивые вздохи раздались повсюду в большом зале после столкновения с исцеленной рукой Драко.

Эмоции делегации Министерства были смешанными; Фадж сразу побледнел. Он понимал, что был серьезно введен в заблуждение, но он настолько укоренился в привычке получать подарки от главы дома Малфоев, что не мог понять, что это было злонамеренное намерение. Он просто списал это на глупую ошибку молодого Драко Малфоя, который пытался не посещать несколько уроков. Амелии, с другой стороны, не терпелось вернуться в свой офис, чтобы наложить на Люциуса Малфоя несколько огромных штрафов. Он не только обошел DMLE и взял дело в свои руки, чтобы восстановить справедливость; она не могла простить того факта, что они хотели казнить животное только потому, что оно было достаточно умным, чтобы отреагировать на угрозу со стороны Драко Малфоя. Кроме того, были доказательства, чтобы показать, что это было ложное обвинение, и это означало, что у нее была свобода действий, чтобы обвинить Люциуса Малфоя в мошеннической жалобе, а не то, что из этого что-то выйдет. Амелия будет удовлетворена, увидев, что казна Малфоев опустится ниже.

Больше всего Гарри и Гермиону беспокоил Макнейр. Этот человек намеревался обезглавить Клювокрыла, но когда столы перевернулись на Драко и Люциуса Малой, он немедленно освободился от всякой вины. Его задумчивое выражение лица, когда он пытался оценить опасность, исходящую от не столь кроткого «Мальчика-который-выжил» и его окружения, приводило в замешательство то же окружение. Люциус Малой, с другой стороны, выглядел стойчески, но если присмотреться, то можно было увидеть напряжение его лицевых мускулов и даже услышать гневный скрежет зубов. Он был так зол на ситуацию, что даже не пошел на помощь своему сыну, а вместо этого держался подальше от всех, даже от министра магии.

Гарри тем временем снял школьную мантию и передал ее Гермионе, но не показал броню, которую он носил под своей форменной рубашкой. Он был уверен в своих силах; изнурительные спарринги не только с его девушкой и другими друзьями, но и с профессором Флитвиком, Сириусом, Ремусом, Дорой и даже Амелией обеспечили ему отличную форму и отточили его навыки.

Прежде чем он смог подняться на платформу для дуэлей, Гермиона быстро сжала его руку и прошептала: «Не тратьте время, вытащите его быстро», отправила его на дуэль.

Гарри без церемоний вскарабкался на платформу и стал ждать, пока в бой вступит его соперник. С другой стороны, Драко восстановил часть утраченного мужества и с нетерпением

впитывал слова поддержки от большей части дома Слайтейн. Несмотря на то, что его отец решил не помогать ему, он не испытывал недостатка в совете со стороны старших учеников, которые были связаны с Пожирателями смерти.

Снова ухмыльнувшись, Драко медленно подошел к позиции напротив Гарри. Оба участника согласились с правилами поединка и поклонились друг другу по приказу профессора Флитвика. Бойцы были готовы и, ожидая, что будет дан приказ начать дуэль, Драко Малфой двинулся.

По чистой случайности или по глупой удаче, Драко действительно двинулся в то время, когда профессор Флитвик начал дуэль. Даже когда первые несколько слогов заклинания, которое начиналось с «Змея...», вышли изо рта Драко, Гарри молниеносно удалялся от линии огня. Его собственная комбинация «Stupefy, Expelliarmus» звучала одна за другой и была точной.

Гарри и его друзья знали, что даже дружеский поединок может стать опасным из-за несвоевременного или неверно направленного заклинания, что может привести к потере конечностей или, что еще хуже, к жизни. Их учителя учили тому, что к каждой дуэли следует относиться серьезно, не давая противнику возможности снять свои заклинания. Имея за плечами множество спаррингов с чемпионом по дуэлям, Гарри гарантировал, что у Драко Малфоя не было шансов.

На подготовку арены не ушло столько времени, сколько Драко Малфой потерял сознание из-за обстрела Гарри. В то время как почти вся арена болела за победителя, Люциус Малфой в унижении и гневном умчался прочь. Он знал, что его сильно избили, и его репутация должна подорваться. Он не знал этого, но его финансы также собирались резко упасть, поскольку Амелия начала процесс взыскания нескольких штрафов с блондинки-аристократа.

Гермиона первой подошла к Гарри и крепко обняла его. Их друзья быстро окружили их, а учителя гордо наблюдали за ними. Амелия не могла сдержать ухмылку; она знала, как упорно тренируются десять друзей, и это действительно проявлялось в том, как Гарри справился с тусклым вызовом Драко Малфоя.

Когда его собственная популярность пошла на убыль, Фадж начал пытаться отвлечь внимание обратно на гиппогрифа, ожидавшего казни.

Макнейр, однако, опроверг эту идею: «Нет в этом никакого смысла, министр... - утверждал он, - ... очевидно, что молодой мистер Малфой не был ранен чудовищем, по крайней мере, не так серьезно, как мистер Поттер».

Авроры, сопровождавшие Амелию и министра, сразу же отметили доблесть, проявленную главой дома Поттеров. Бурные аплодисменты, перемежающиеся криками: «Ты показал мошенника, Гарри...», дали понять даже министру, что любая попытка пойти против населения будет катастрофой. Кроме того, у него не было другого выбора, кроме как согласиться с тем, что Драко действительно не пострадал от действий Гиппогрифа, и если он должен был верить бормотанию учеников, это была собственная глупость Драко, которая привела к его травмам.

Фадж ничего не мог поделать, кроме как приказать аврорам и Макнейру вернуться в Министерство, а сам повернулся, чтобы покинуть замок.

Однако это было не все розы, так как расчетливое выражение лица Макнейра, когда он начал выходить из школы, предупредил Гарри и Гермиону, что линия фронта определена. Макнейр был одним из самых свирепых пожирателей смерти, чуть ниже Беллатрисы Лестрейндж с точки зрения безжалостности. Хотя во время убийства она с большей вероятностью хохотала от ликования, Макнейр был хладнокровен и жесток, что делало его таким грозным врагом.

Гарри и Гермиона обменялись обеспокоенными взглядами с Амелией, опасаясь последствий вызова, который они невольно бросили пожирателям смерти. Они смогли сохранить Хогвартс в безопасности, но какой ценой? Только время покажет.

<http://tl.rulate.ru/book/74732/2099807>